

Известия. - 1995. - 25 апр. - С. 4

Дмитрий ЦИЛИКИН, журналист

«Макбет» Шекспира в петербургском Большом драматическом театре имени Г.А.Товстоногова. В роли леди Макбет — Алиса Фрейдлих.

Спектакль, минуя банальную сцену с рассказами о доблестях Макбета и Банко, начинается со встречи обоих полководцев и ведьм. Те возглашают: «Хвала тебе, гламисский тан! Хвала тебе, кавдорский тан!» Можно ли требовать от театральной публики знания шотландских титулов XI века? Нет, конечно. Театр вовсе не предполагает (если не детектив ставит) детального понимания всех хитросплетений интриги. Не обязательно сверяться с программкой, пытаюсь понять, кто из присутствующих на сцене мужчин в одинаковых золотопогонных кителях Ленокс, кто Росс, кто Ангус и чем они отличаются от Малькольма с Дональдайном. Однако публика имеет право узнать не только, что «Бирнам напал на Дунсинан» (перевод Б.Пастернака), но и почему короля зарезали, а леди сошла с ума.

Вспомним любимую мысль Г.А.Товстоногова: идея спектакля лежит в зрительном зале. Посмотрим, какая же идея «Макбета» нашлась в зале БДТ и нашлась ли она там. Можно рассказывать о структуре спектакля, о режиссуре Темуре Чхеидзе. На роль Макбет назначен Геннадий Богачев — «обыкновенный человек». Декорации явно намекают на выбитые стекла современных городских домов. Освободители страны в длиннополых шинелях внешне ничем не отличаются от войска тирана. И т.д. Но — если нужно объяснять, не нужно объяснять.

Вероятно, время, когда трагедии Шекспира о тиранах могли ранить зрителя остротой ассоциаций и соответствий, ушло. Бывают странные сближения. Тринадцать лет назад на той же сцене БДТ был показан «Ричард III» Роберта Струа. С фантастическим успехом. Дело было не только в талантливой, выразительной и остроумной режиссуре, не только в дивных актерах. Тогда, в 82-м, политические аллюзии, рожденные историей борьбы за трон и сопровождающих ее злодеяний, становились подлинным эмоциональным хлебом. Всех очень грело, что «огурчики-помидорчики, Сталин Кирова убил в коридорчике».

Съедены эти огурчики. Что должен востребовать «Макбет» сегодня? Какие пронзительные ассоциации вызвать? «Шумейко хочет стать президентом и для этого готов погубить благородного Рыбкина?»

У театра свои законы, с течением времени они меняются. Сейчас, полагаю, главный — «О защите прав потребителей». Да, да: зритель должен слышать, видеть и, желательно, понимать.

Это не хорошо и не плохо. Уж как есть. Потому успех спектакля не могут решить одни только «картинки» — например, роль Дункан (Кирилл Лавров) сидит за столом с... со своими тана-

ми в мизансцене «Тайной вечери» Леонардо в псевдорембрантовском свете — точь-в-точь «наш генералиссимус и маршалы великие его». Кому-то из посвященных это кажется остроумным и

Фрейдлих в предыдущей работе — в «Сталкере» — режиссер говорил примерно так: «У вас есть гениальная актриса, которую губит репертуар». Еще сказал, что будет ставить в кино «Идиота», и о лучшей Настасье Филипповне мечтать не приходится, сложно лишь окружить ее достойными партнерами. Пока же собирався пригласить Алису в фильм по собственному сценарию с Соло-

ставшуюся ей дорогу. И не о том говорю, что, дескать, каждый художник только и должен без конца подносить сплошные новинки, а все остальные современники пусть только рты разевают». Речь как раз об «остальных современниках»: о театре, театрах, режиссерах, драматургах.

Вот есть актриса — небывалая, удивительная, прекрасная, ее любят, ей поклоняются. В чем бы она ни приняла участие — все украсила, сделала глубже, а иногда и составила единственный смысл всего предпринятия. Но кто же озабочен созданием спектакля, фильма для нее, востребующего, дающего простор ее дару, мастерству, уму, юмору, всем ее чудесным свойствам?

В «Макбете» она вновь проявляет редкую точность, филигранность и осмысленность каждого слова и движения. Она, очевидно, озабочена тем, чтобы донести до зрителя смысл непростых сюжетных поворотов, прояснить ослабленные в этом спектакле причинно-следственные связи. Она замечательно, виртуозно двигается. И голос — единственный! — как всегда, слышен в каждой ноте и каждом оттенке...

Не раз сказано о принадлежности Алисы Фрейдлих именно Петербургу, о глубокой внутренней связи с ним ее искусства. Актриса, не меняя свое лицо и голос, оставаясь изящной маленькой женщиной, всегда была пропорциональна любому, даже огромному сценическому пространству. Кажется, и огромному городу она тоже соразмерна.

Вот и в «Макбете» очень большое зеркало сцены БДТ с легкостью превращается в крупный план леди Макбет, отчетливо видный с любого удаления. Работы Алисы Фрейдлих всегда не только брали в плен, но и будили мысль, задавали вопросы, ответы на которые приходилось искать у себя и у жизни. Сейчас хотелось расспросить ее о пропорциях, о ежедневном превращении хрупкой женщины, которую вы, может, и пропустите на улице, — в кого-то, кто, несомненно, больше, значительнее и чудеснее нас с вами. Однако Алиса Бруновна с присущим ей интеллигентностью и грацией от разговора уклонилась. И то: могу представить толпы журналистов, искавших встречи с ней. Но не задав ей своих — может, и пустяковых — вопросов, теперь пытаюсь ответить на них сам, думаю (в который раз) о тайне таланта и женственности и о загадках ума. Такова Алиса Фрейдлих, что не встреча с ней оказывается одухотворяющим действием — как и встреча.

Право и судьба зрителя — ждать. Мечтать о пьесе, где будет внятная человеческая история. О настоящем живом спектакле, с актрисой в центре — красивой, смешной, пронзительной, старой и молодой одновременно, во всем блеске возможностей. «Мы дни за днями шепчем: «Завтра, завтра...»» (Шекспир. «Макбет»).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Алиса в стране театральных чудес

стильным, кому-то — плоским. Но посвященных очень немного. Успех нынче определяется, извините, жизнью человеческого духа. Когда ее нет, все доносящееся со сцены страшные слова: «кровь», «убийство» — ничего для нас не значат. Актёр ушел за кулисы, вернулся с руками, выплывающими красной краской. Все. Публика глядит трагедию, в антрактах пьет дорогое пиво и кушает дорогое мороженое. Культурно проводит досуг. В «Макбете» довольно привычных по шекспировским спектаклям последних 20–30 лет красот: темные, отливающие металлом плоскости, контровой свет, дым, стробоскоп — культурно провести досуг вполне можно. К тому же заняты известные артисты. В роли леди Макбет — Алиса Фрейдлих.

Роль леди Макбет — коронная, знаменитая, поэтому, наверное, зрительская молва упрямо связывала постановку пьесы с юбилеем актрисы в минувшем декабре. Спектакль вышел, он не дает оснований называться бенефисом Алисы Фрейдлих. Но так хотелось думать. Ее жизнь вообще легко складывается, претворяется в легенды.

Увы, выросло целое поколение родившихся после 70-го, полагающее, что Фрейдлих — это та артистка, которая играла мать Гузеевой в «Жестоком романсе». Что толку винить Божий промысел — давно уже нет у нас зрительского счастья, знакомого всякому, знавшему Алису в ее главных ролях. Да и Божий ли тут промысел?..

...Перед отъездом Андрея Тарковского на съемки «Ностальгии» был устроен его вечер в ленинградском Дворце работников искусств. После встречи с

ницыным и Кайдановским. «Жизнь разошлась...» — будто отвечал на это словами князя Вяземского Эльдар Рязанов, снимавший Фрейдлих вместо Тарковского...

Скоро двенадцать лет, как она в БДТ, и в третий раз (после театра Ленсовета и «Современника») повстречалась с «Вишневым садом». Теперь — Шарлотта. А вот интересно, как бы сейчас произнесла Фрейдлих слова Раневской из второго акта: «Я все время жду чего-то, как будто над нами должен обвалиться дом?»

Нет, нет, нету здесь намека, что какие-то шаги актрисы оказались не в ту сторону. Об этом еще Евгений Капмановский точно сказал в книге «Алиса Фрейдлих»: «Не упрекаю, естественно, ни Фрейдлих, ни до-